

ИРАНСКИЕ ЭПИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В «ТАРАСЕ БУЛЬБЕ» НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ

К. Ю. Рахно

Статья посвящена анализу фольклорно-эпических мотивов иранского происхождения, которые наличествуют в исторической повести «Тарас Бульба» Николая Гоголя. Они обнаруживают параллели как в нартовском эпосе осетин, так и в поэме Фирдоуси «Шахнаме», сказаниях таджиков Систана и татов Дагестана. Делается вывод, что сюжет и многие детали этой знаменитой повести, как и многих других произведений Гоголя, отражают эпическую традицию ираноязычного населения причерноморских степей, которое стало этническим субстратом украинцев.

Первым на данную параллель указал Василий Иванович Абаев, сравнивая описания повседневности запорожских казаков, как это имеет место в произведении Н. В. Гоголя «Тарас Бульба», с аналогичным описанием образа жизни нартов в нартовском эпосе. Описываемая повседневность включает в себя не только практику военных походов, но и веселья, включая специфический характер песен, танцев, системы ценностей, языческого мировоззрения. В качестве сравнительного материала автором привлекаются ритуальные пляски массагетов в описании Геродота, а также саков в описании Страбона. Проводится параллель между гоголевским Тарасом Бульбой и иранскими эпическими героями — нартом Батрадзом, Рустамом из поэмы Фирдоуси «Шахнамэ». Схожие черты выявляются в зоонимике, связанной с потусторонними силами, в характере казни убийц, в отношении к данному слову и реакции последствий за его нарушение. Несомненно, в повести отражены древние эпические мотивы степей Причерноморья, восходящие к ираноязычным кочевникам, позже ассимилированных славянами. Они обнаруживают параллели как в нартовском эпосе осетин, имеющем скифские и сармато-аланские корни, так и в персидском литературном эпосе, преданиях систанцев, сказках татов, имеющих отношение к южноиранской эпической традиции, возможно, имеющей скифо-сакские истоки.

Ключевые слова: *нартовский эпос, Николай Гоголь, Тарас Бульба, Фирдоуси, козаки, осетины, персы, таты.*

Произведения Николая Гоголя, отражающие историю и быт Украины, по праву вошли в сокровищницу мировой литературы. Уже первые осетиноведы обратились к ним в поисках параллелей к нартовскому быту. Васо Абаев пришел к выводу, что на территории Украины вплоть до XVIII века можно было наблюдать картины военно-дружинного быта, во многом напоминающего нартовский. Именно такой воинской организацией была знаменитая Запорожская Сечь. Осетинский ученый отмечал «какое-то внутреннее родство» между нартовской вольницей мифических времен и ка-

зачьей вольницей XV-XVIII веков. По его мнению, через ряд столетий Запорожская Сечь, это «военное братство», как его определяли историки, воскресало во многом дух и нравы другого военного братства, поэтический образ которого донесли до нас нартовские сказания [1, 220–221].

Абаев отмечал, что запорожцы, подобно нартам, ведут кое-какое хозяйство, но настоящими занятиями считают только два: войну и гульбу. Те и другие любят предпринимать далекие походы военно-предпринимательского характера в поисках «нетронутых земель». По его наблюдению, вдохновенное описание Сечи в «Тарасе Бульбе» Гоголя (1834-1842) целыми кусками воспринимается как живая картина нартовского быта. Когда Тарас уговаривает кошевого двинуться в поход в Туреччину или на Татарву только потому, что его два сына ни разу не были на войне, и им пора «погулять» [2, 247], тут узнаются нарты, которые первейшим признаком мужалости считали участие в «балце», то есть в военном походе. Ученый напомнил, как сын Урызмага и Сатаны, погибший в детстве и отпущенный из загробного мира к родителям только на один день, не находит лучшего использования для этих драгоценных часов, как отправиться с отцом в «балц» к терк-туркам [1, 221].

Привлекла внимание Абаева и картина Сечи в промежутках между военными предприятиями: «Вся Сечь представляла необыкновенное явление: это было какое-то непрерывное пиршество, бал, начавшийся шумно и потерявший конец свой... Это общее пиршество имело в себе что-то околдовывающее. Всякий приходящий сюда позабывал и бросал все, что дотоле его занимало» [2, 244]. Он вспомнил по этому поводу бурные и нескончаемые нартовские хороводы-симды и пиршества, продолжительность которых сказания определяли замечательной эпической формулой: «иу абонæй иннæ абонмæ», т.е. «от одного сегодня до другого сегодня», что можно понимать и как неделю, и как месяц, и как год пиршеств, втягивавших в свой бешеный водоворот всех, от небожителей до грудных младенцев [1, 221].

На удивление знакомым показалось Абаеву и описание казачьей пляски: «Земля глухо гудела на всю округу... Толпа росла; к танцующим приставали другие, и нельзя было видеть без внутреннего движения, как все отдирало танец, самый вольный, самый бешеный, какой только видел когда-либо свет... «Эх, если бы не конь — воскликнул Тарас, — пустился бы, право, пустился бы сам в танец» [2, 243]. Это тоже была чисто нартовская картина. В осетинских сказаниях ей, как точно подметил Абаев [1, 221–222], отвечал могучий, сотрясающий землю нартовский пляс (Нæртон симд), перед заражающей силой которого не могли устоять даже такие почтенные старики, как Урызмаг: «Большую пляску завели раз нарты на поле Зилахар. Такой шел пляс, что земля тряслась под ногами у нартов...», «И вот однажды возвращался Урызмаг с охоты, и вдруг видит он — все доблестные нарты собрались на вершине Черной горы и пляшут там симд,

такой симд, что горы рассыпаются, вековые деревья в дремучих лесах содрогаются, и трещины проходят по их могучим стволам. Земля колеблется под ногами пляшущих нартов» [3, 325, 341].

Но дальше Абаев, поставив правильный вопрос, не скрывается ли за этой близостью гоголевских запорожцев и эпических нартов какая-то историческая связь и преемственность, в духе сравнительно-исторических изысканий своего времени списал все сходство на особый уклад жизни и особый тип человека, выработавшийся на необъятных просторах украинских и северокавказских степей вследствие непрерывных этнических миграций, столкновений и войн, на общность нравов и образа жизни. «Мудрено ли, что именно здесь могли зарождаться широкие эпические циклы типа нартовского, от которых до нас не дошло, возможно, и сотой доли». Важную роль, по мнению осетиноведа, сыграл также поэтический талант Гоголя [1, 222–223]. Тем не менее, возможно, следует пристальнее присмотреться к этим сближениям и продолжить поиски иранских черт в сюжете повести Гоголя. Тем более что известно о следах украинской народной думы про Тараса Бульбу и его сыновей, младший из которых пошел против отца с поляками [4, 507–510; 5, СХVII–СХIХ]. Повесть сюжетно построена, прежде всего, на фольклорном материале. Сама отделенность «острова Сечи» от «основной» народной жизни степными и водными просторами сближает его с чудесным языческим городом в распространенной киеворусской «Притче о Вавилоне-граде», окруженным непроходимыми степными травами [6, 598–599]. Фольклорным является и неповторимый коллективный образ козачества [7, 119], столь похожего на нартов. Петр Вайль и Александр Генис писали: «Герои эпоса Гоголя — язычники, каковым только и могут быть герои эпоса. Язычниками они остаются и в своей вере, которая на самом деле не христианство, не православие... Потому так достоверны Тарасовы козаки, словно случайно названные христианами» [8, 134].

Раз уж зашла речь о танцах нартов, то известно, что в Осетии симд танцевался под Новый год вокруг зажженных костров мужчинами в возрасте где-то от тридцати до сорока пяти лет, которые отличались силой и ловкостью [9, 71]. Такой ритуальный круговой танец вокруг священного дерева или костра, по-видимому, исполняли и среднеазиатские сако-массагеты, ставшие предками аланов. О плясках массагетов писал Геродот (I, 202): «... Тем сильнее их охватывает опьянение; пока, наконец, они не вскакивают, пускаются в пляс и начинают петь песни. Так рассказывают об образе жизни этого племени» [10, 75]. Согласно Страбону (VIII, 5), саки, перебитые Киром, «плясали без оружия в вакхическом исступлении» [11, 484]. Причем следы этого древнеиранского обычая, наряду с другими культурными реликтами, сохранились в Хорезме. По мнению отдельных исследователей, популярный хорезмский танец лазги по своему темпераменту напоминает пляски сако-массагетских воинов, проводимых по вечерам вокруг заж-

женных костров. Подобные торжества с музыкой, песнями и зажигательными хорезмскими «лазги» и «чагаллок» проводились до недавнего времени [12, 253]. О существовании подобных танцев в чуть более позднее время на западе скифо-сакского ареала можно судить по росписи склепов № 2 и 8 Неаполя Скифского [13, 173]. Таким образом, танец запорожцев, скорее, является фольклорным наследием древнеиранских кочевых этносов степей, чем результатом поэтической прозорливости Гоголя, как это представлялось Абаеву.

Есть в повести и другие моменты, находящие соответствие в осетинских сказаниях о нартах. Так, например, российским литературоведам [14, 544] казалось удивительным, неуклюже преувеличенным и из ряда вон выходящим следующее описание:

«Бульба вскочил на своего Черта, который бешено отшатнулся, почувствовав на себе двадцатипудовое бремя, потому что Тарас был чрезвычайно тяжел и толст» [2, 234].

Но оно прямо перекликается с образом нартовского богатыря Батраза, которого едва выдерживает конь: «Затем он попросил их: «Коня моего отца, Хамыцева коня, приведите, чтоб я на нем прибыл домой». Вот они привели ему коня Хамыцева, Батраз сел на него и как сжал его коленями, так у коня бока проломились, и он умер. Батраз сказал: «Приведите мне Урызмагова коня!» И привели ему Урызмагова коня. Сел на него Батраз, и конь насилу его снес» [15, 17, 19]. Дальнейшие параллели ведут к южным иранцам. В персидском эпосе «Шахнаме» Фирдоуси сообщается, что для Рустама долго искали подходящего коня:

Пригнав табуны, что в Забуле паслись,
А также и те, что в Кабуле паслись,
За лошадью лошадь пускали пред ним —
И каждой тавро выкликали пред ним.
Как только покажут коня храбрецу,
Как только он спину нажмет жеребцу,
Осядет скакун, изогнувшись хребтом,
В бессильи коснувшись земли животом.

И только конь гигантского роста Рахш смог выдержать его тяжесть:

Тут в землю ногой упершись посильней,
Аркан на коне затянув потесней,
Ростем из всей силы своей колдовской
Налег на гнедого могучей рукой.
Скакун и не дрогнул под бременем тем —
Как будто его не почуял совсем.
Подумал Ростем: «Вот сидеть мне на ком!
За дело я взяться могу на таком».
Взвился, словно буря, отважен, удал,
И резво под ним огнецветный разыграл.

Потом Рахш служил иранскому богатырю верой и правдой до самой смерти [16, 323–325; 17, 20]. Этот мотив есть и у татов: «Кто знает, сколько времени провел Рустам в этой крепости?! Но известно, что каждый день он выводил своего жеребца на прогулку и тяжестью руки испытывал его выносливость. Шли дни, и Рустам уже мог осторожно садиться на жеребца, а жеребец выдерживал тяжесть своего хозяина. А спустя еще некоторое время Рустам мог выводить скакуна на скачки: теперь уже жеребец совсем перестал чувствовать тяжесть своего хозяина» [18, 15].

Довольно интересно, что коня Бульбы зовут Чертом, а в осетинских сказаниях упоминаются кони, выращенные чертями (хэйрæджыты хаст, дæлимонты хаст), на которых ездят витязи [1, 157; 19, 153]. Такие кони обладают сказочными свойствами. Черти боятся волков и даже волчьей шкуры, поэтому в сказании «Сослан и Тотраз» могучий Тотраз гибнет от рук солярного витязя Сослана (Созырыко) из-за того, что конь его, возвращенный чертями, боится волчьих шкур, в которые нарядился Сослан. Таков и конь Алибега, который пугается запаха Сослановой волчьей шубы, стремглав несется и погибает. Черти же помогли Сослану выбраться из преисподней, в которой и был возвращен его знаменитый конь Дзындз Аласа. В одном варианте нартовских сказаний на этом коне нарт Созырыко, гостивший в подземном мире, догнал угонщиков табуна чертей и вернул их повелителю подземных духов Елизбару. «А конь твой — племянник подземных духов», — говорят Сослану. Такой же конь (дæлимонтæ гуырд бæх) был и у Сырдона. Вариантом такой лошади является конь, рожденный от жеребца далимонов [20: 52, 160, 181, 546; 21, 269; 22, 13-14; 23: 48, 511; 24: 467, 661, 675; 19, 153; 25, 11]. В «Шахнаме» также упоминаются кони, ведущие свой род от нечистой силы (дивов) [26, 378].

Описанная Гоголем в повести казнь на Запорожской Сечи, когда убийцу живьем закапывали в землю вместе с убитым [2, 246–247], тоже восходит к обычаям, зафиксированным Порфирием и Евсевием Кесарийским у скифов и Сомадевой у индоскифов. Отголоски сохранились и в нартовском эпосе осетин, где у ног Сослана хоронят злокозненного Сырдона, ставшего причиной его смерти [27, 200].

Вопреки литературоведам, заявляющим, что мотив сыноубийства был заимствован Гоголем из современной ему западноевропейской романтической литературы [28, 90–91; 6, 594], основная сюжетная коллизия «Тараса Бульбы» восходит к древним степным мотивам. В частности, одним из наиболее важных мотивов персидского эпоса является борьба витязя Рустама с его сыном Сохрабом, где сын ведет на Иран войска враждебного туранского правителя Афрасиаба. Подобно Андрию Бульбе, Сохраб — заносчивый, тщеславный властолюбец, готовый броситься в любую авантюру, чтобы прославиться. Сохраб дважды побеждает Ру-

стама в единоборстве, причем Рустам спасается только хитростью, ссылаясь на древний закон, согласно которому убивать противника можно, якобы, только после второй победы над ним, самому Рустаму же удается повалить Сохраба лишь «во гневе, исполняя невиданных сил», поэтому он, понимая, что «тот не сдастся, повергнет его в свой черед», вонзает неузнанному сыну в бок кинжал. Трагедия отца, убившего своего сына, описана у Фирдоуси с большим мастерством и не может оставить читателя безразличным. Исследователи рассматривают Рустама как персонажа систанской эпической традиции, восходящей к богатырским сказаниям среднеазиатских скифов — саков. В Авесте он не упомянут. По мнению востоковедов, все сказания о Рустаме возникли среди аборигенов Систана и Забулистана иранского происхождения. Позднее, с приходом на эту территорию также ираноязычных сакских племен, легенды сгруппировались вокруг систанских богатырей сакского происхождения [29, 77–78; 30, 36–37, 93–95, 97–102, 146–152, 158]. Поэтому очень похоже развиваются события в легендах о Рустаме таджиков Систана [31, 221–222]. Подобно Рустаму, Бульба является не предводителем запорожцев, а только воином, которому «нет никого, равного ему в доблести» [2, 294]. Поражение козаков соответствует временному поражению иранцев от туранских воинов Сохраба. И даже знаменитая речь Тараса: «Ну, что ж теперь мы будем делать?.. Что, сынку, помогли тебе твои ляхи?... Так продать? Продать веру? Продать своих? Стой же, слезай с коня!.. Стой и не шевелись! Я тебя породил, я тебя и убью» [2, 309], очевидно, восходит к сцене перебранки, предваряющей поединок, которая составляет кульминацию повествования о единоборстве отца и сына [32, 13–15]. Точно также Рустам обращается к Сохрабу:

Воскликнул: «Ушедший от львиных когтей!
Ты снова погибели ищешь своей!
Почто поединка со мной не избег?
Но знаю, ты правды не скажешь вовек» [29, 77].

Таким образом, в исторической повести Николая Гоголя «Тарас Бульба», как и во многих других его произведениях [33, 76; 34, 274; 35; 36; 37; 38, 677–682; 39, 111–115], отразились древние эпические мотивы причерноморской степи, несомненно, восходящие к ираноязычному неоседлому населению, которое позже было ассимилировано славянами. Примечательно, что они обнаруживают параллели как в нартовском эпосе осетин, имеющем скифские и сармато-аланские корни, так и в литературном эпосе персов, преданиях систанцев и сказках татов, то есть в южноиранской эпической традиции, которая, в свою очередь, тоже может иметь скифо-сакские истоки. Это еще раз указывает на иранский этнический субстрат украинцев и сложные пути его формирования.

1. *Абаев В. И.* Избранные труды. В 2-х т. Владикавказ: Ир, 1990. Т. 1. Религия, фольклор, литература. 640 с.
2. *Гоголь Н. В.* Избранные произведения. В 2-х т. К., 1979. Т. 1. 414 с.
3. Сказания о нартах: осетинский эпос/пер. с осет. Ю. Либединского. М., 1978. 512 с.
4. *Горленко В.* Бандурист Иван Крюковский. Текст девяти дум, с биографической заметкой // Киевская старина. К., 1882. Декабрь. С. 481–518.
5. *Грушевська К.* Українські народні думи. К., 1927. Т. 1. Тексти №№ 1-13 і вступ Катерини Грушевської. 176 с.
6. *Вайскопф М. Я.* Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. М., 2002. 686 с.
7. *Карпенко А. И.* О народности Н. В. Гоголя: художественный историзм писателя и его народные истоки. К., 1973. 279 с.
8. *Вайль П., Генис А.* Собрание сочинений. В 2-х т. Екатеринбург, 2003. Т. 1. 960 с.
9. *Туганов М. С.* Литературное наследие. Орджоникидзе: Ир, 1977. 238 с.
10. *Геродот.* История в девяти книгах/пер. и прим. Г. А. Стратановского. Л., 1972. 600 с.
11. *Страбон.* География в 17 книгах/пер., статья и коммент. Г. А. Стратановского. М., 1964. 944 с.
12. *Джаббаров И.* Узбеки: этнокультурные традиции, быт и образ жизни. Ташкент, 2007. 287 с.
13. *Высотская Т. Н.* Неаполь — столица государства поздних скифов. К., 1979. 207 с.
14. *Вересаев В.* Собрание сочинений. В 4-х т. М., 1990. Т. 4. Гоголь в жизни. 638 с.
15. *Миллер Вс.* Осетинские этюды. Ч. 1. (Осетинские тексты) // Ученые записки императорского Московского университета. Отдел историко-филологический. М., 1881. Вып. 1. 154 с.
16. *Фирдоуси.* Шахнаме. В 6 т./издание подготовили Ц. Б. Бану, А. Лахути, А. А. Стариков. М., 1957. Т. 1. От начала поэмы до сказания о Сохрабе. 675 с.
17. *Сатцаев Э. Б.* Нартовский эпос и иранская поэма Шахнаме (сходные сюжетные мотивы). Владикавказ, 2008. 159 с.
18. Золотой сундук: Сказки татов Дагестана/сост., пер. с татского Амалдана Кукуллу. М., 1974. 319 с.
19. *Дзиццойты Ю. А.* Вопросы осетинской филологии. Цхинвал, 2017. Т. 1. 464 с.
20. *Чибиров Л. А.* Традиционная духовная культура осетин. М., 2008. 712 с.
21. *Чибиров Л. А.* Осетинская Нартиада: мифологические истоки и ареальные связи. Владикавказ, 2016. 463 с.

22. Памятники народного творчества осетин. Дигорское народное творчество в записи М. Гарданти. Владикавказ, 1927. Вып. 2. 355 с.
23. Нарты кадджытæ: ирон адаемы эпос/тексттæ бацæттæ кодта, чиныг æмæ дзырдуат сарæзта Хæмыцаты Тамарæ; зонадон редактор Джыккайты Шамил. Дзæуджыхъæу, 2004. 2-аг чиныг. 896 ф.
24. Нарты кадджытæ: ирон адаемы эпос/тексттæ бацæттæ кодта, чиныг æмæ дзырдуат сарæзта Хæмыцаты Тамарæ; зонадон редактор Джыккайты Шамил. Дзæуджыхъæу, 2010. 5-æм чиныг. 767 ф.
25. Багаев А. Б. Конь в нартовском эпосе осетин // Вопросы литературы и фольклора. 2018. Вып. X. Ч. 1. С. 4–21.
26. Фирдоуси. Шахнаме. В 6 т./пер. Н. Б. Бану-Лахути, коммент. А. Азера и Ц. Б. Бану-Лахути. М., 1965. Т. 3. От сказания о битве Ростема с хаканом Чина до царствования Лохраспа. 601 с.
27. Рахно К. Ю. Казнь убийцы на Запорожской Сечи: истоки обычая // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (VI Токаревские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 4-5 мая 2017 г.). Ростов-н/Д, 2017. С. 196–203.
28. Чудаков Г. И. Отношение творчества Гоголя к западноевропейским литературам. К., 1908. 182 с.
29. Фирдоуси. Шахнаме. В 4-х т./пер. Ц. Б. Бану-Лахути, коммент. А. А. Старикова. М., 1994. Т. 2. От сказания о Ростеме и Сохрабе до сказания о Ростеме и хакане Чина. 643 с.
30. Короглы Х. Г. Взаимосвязи эпоса народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана. М., 1983. 335 с.
31. Сказки и легенды Систана/пер. с перс, сост. и коммент. А. Л. Грюнберга и И. М. Стеблин-Каменского. М., 1981. 271 с.
32. Матюшина И. Г. Перебранка в древнегерманской словесности. М., 2011. 304 с.
33. Иванов В. В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. М., 2000. Т. 2. Статьи о русской литературе. 881 с.
34. Бубенок О. Аланы-асы в Золотой Орде (XIII-XV вв.). К., 2004. 324 с.
35. Рахно К. Ю. Иранские мифологические мотивы в повести Николая Гоголя «Ночь перед Рождеством» // Актуальные проблемы гуманитарного знания в XXI веке: состояние и перспективы развития. К 90-летию академика Г. Г. Гамзатова: Материалы Международной научной конференции (Махачкала, 5-6 мая 2016 г.). Махачкала, 2016. С. 171–175.
36. Рахно К. Ю. Пузатый Пацюк и нартовский Сырдон: родство образов // Адыгский эпос «Нарты» и мировое эпическое наследие: Международный научный симпозиум, посвященный 95-летию со дня рождения ученого-нартоведа А. М. Гадагатля (Майкоп, 20-23 сентября 2017 г.), Майкоп, 2017. С. 144–147.
37. Рахно Константин. Танатологические мотивы «Страшной мести»

Николая Гоголя в контексте этнокультурных связей украинцев // *Studia mythologica slavica*. Ljubljana, 2019. Т. 22. С. 143–161.

38. Абаев В. И. Избранные труды. Владикавказ, 1995. Т. 2. Общее и сравнительное языкознание. 724 с.

39. Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965. 168 с.

Rakhno, Konstantin Yu. — National Museum-Reserve of Ukrainian Pottery in Oposhnoye (Oposhnoye, Ukraine); krakhno@ukr.net

IRANIAN EPIC MOTIVES IN «TARAS BULBA» BY NIKOLAY GOGOL

Keywords: *Narts' epos, Nikolay Gogol, Taras Bulba, Firdousi, the Cossacks, the Ossetians, the Persians, Tat people.*

The article is devoted to the analysis of folklore-epic motifs of Iranian origin, which can be traced in the historical novel «Taras Bulba» by Nikolay Gogol. They find parallels both in the Narts' epos of the Ossetians, and in Firdousi's poem «Shahname», the tales of Tajik Sistans and the Tats of Dagestan. It is concluded that the plot and many details of this famous story, like many other works by Gogol, reflect the epic tradition of the Iranian-speaking population of the Black Sea steppes, which has become the ethnic substrate of the Ukrainians.

The first to point to this parallel was Vasily Ivanovich Abaev, comparing the descriptions of the everyday life of the Zaporozhye Cossacks, as is the case in the work of N. V. Gogol's «Taras Bulba», with a similar description of the lifestyle of the Narts in the Nart epic. The described everyday life includes not only the practice of military campaigns, but also fun, including the specific nature of songs, dances, a system of values, a pagan worldview. As a comparative material, the author uses the ritual dances of the Massagets in the description of Herodotus, as well as the Saka in the description of Strabo. A parallel is drawn between Gogol's Taras Bulba and Iranian epic heroes — Nart Batradz, Rustam from Firdousi's poem «Shahname». Similar features are revealed in the zoonymy associated with otherworldly forces, in the nature of the execution of murderers, in relation to this word and the reaction of the consequences for its violation. Undoubtedly, the story reflects the ancient epic motifs of the steppes of the Black Sea, dating back to the Iranian-speaking nomads, later assimilated by the Slavs. They find parallels both in the Nartian Ossetian epos, which has Scythian and Sarmatian-Alanian roots, and in the Persian literary epos, the traditions of the Sistans, and tales of the Tats, related to the South Iranian epic tradition, possibly having Scythian-Saka sources.

REFERENCES

1. Abaev, V. I. *Izbrannyye trudy. V 2-kh t.* [Selected works. In 2 vols]. T. I. *Religiya, fol'klor, literatura* [Vol. I. Religion. Folklore. Literature]. Vladikavkaz, Ir, 1990. 640 p.

2. Gogol', N. V. *Izbrannyye proizvedeniya. V 2-h t.* [Featured Works. In 2 vols]. Kiev, 1979, vol. I. 414 p.

3. *Skazaniya o nartakh. Osetinskii epos* [Tales of the Narts. Ossetian Epic]. Translation from ossetian Ju. Libedinskogo. Moscow, 1978. 512 p.
4. Gorlenko, V. *Bandurist Ivan Kryukovskii. Tekst devyati dum, s biograficheskoj zametkoi* [Bandura player Ivan Kryukovsky. Text of nine thoughts with a biographical note]. *Kievskaya starina* [Kiev old]. Kiev, 1882, december, pp. 481–518.
5. Grushevs'ka, K. *Ukrains'ki narodni dumi* [Ukrainian people's thoughts]. Kiev, 1927, vol. I. Texts no 1–13 and the introduction of Katerina Grushevskaya. 176 p.
6. Vajskopf, M. Ja. *Syuzhet Gogolya: Morfologiya. Ideologiya. Kontekst* [The plot of Gogol: Morphology. Ideology. Context]. Moscow, 2002. 686 p.
7. Karpenko, A. I. *O narodnosti N. V. Gogolya. Khudozhestvennyi istorizm pisatelya i ego narodnye istoki* [About the nationality N. V. Gogol. The artistic historicism of the writer and his folk origins]. Kiev, 1973. 279 p.
8. Vajl', P., Genis, A. *Sobranie sochinenii. V 2 t.* [Collected works. In 2 vols]. Yekaterinburg, 2003, vol. I. 960 p.
9. Tuganov, M. S. *Literaturnoe nasledie* [Literary heritage]. Ordzhonikidze, Ir, 1977. 238 p.
10. Gerodot. *Istoriya v devyati knigakh* [History in nine books]. Translation and notes by G. A. Stratanovsky. Leningrad, 1972. 600 p.
11. Strabon. *Geografiya v 17 knigakh* [Geography in 17 books]. Translation, article and comments by G. A. Stratanovsky. Moscow, 1964. 944 p.
12. Dzhabbarov, I. *Uzbeki. Etnokul'turnye traditsii, byt i obraz zhizni* [Uzbeks. Ethnocultural traditions, way of life and lifestyle]. Tashkent, 2007. 287 p.
13. Vysotskaja, T. N. *Neapol' — stolitsa gosudarstva pozdних skifov* [Naples is the capital of the late Scythian state]. Kiev, 1979. 207 p.
14. Veresaev, V. *Sobranie sochinenii. V 4-h t.* [Collected works. In 4 vols] Moscow, 1990, vol. 4. Gogol in life. 638 p.
15. Miller, Vs. *Osetinskie etyudy. CHast' pervaya. Osetinskie teksty* [Ossetian studies]. *Uchenye zapiski imperatorskogo Moskovskogo universiteta. Otdel istoriko-filologicheskij* [Scientific notes of the Imperial Moscow University. Department of History and Philology]. Moscow, 1881, iss. 1. 154 p.
16. Firdousi. *Shakhname. V 6 t.* [Shahnameh. In 6 vols]. Edition prepared by C. B. Banu, A. Lahuti, A. A. Starikov. Moscow, 1957, vol. 1. From the beginning of the poem to the tale of Sohrab. 675 p.
17. Satcaev, Je. B. *Nartovskii epos i iranskaya poema Shakhname (skhodnye syuzhetnye motivy)* [Nart epic and Iranian poem Shahnameh (similar plot motives)]. Vladikavkaz, 2008. 159 p.
18. *Zolotoi sunduk. Skazki tatov Dagestana* [Golden chest. Tales of the tats of Dagestan]. Compiled, translated from the Tatian Amaldan Kukullu. Moscow, 1974. 319 p.
19. Dziccojty, Ju. A. *Voprosy osetinskoj filologii* [Issues of Ossetian philology]. Tskhinval, 2017, vol. I. 464 p.

20. Chibirov, L. A. *Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura osetin* [Traditional spiritual culture of the Ossetians]. Vladikavkaz, Ir, 2008. 600 p.
21. Chibirov, L. A. *Osetinskaya Nartiada. Mifologicheskie istoki i areal'nye svyazi* [Ossetian Nartiade. Mythological sources and areal connections]. Vladikavkaz, 2016. 463 p.
22. *Pamyatniki narodnogo tvorchestva osetin. Digorskoe narodnoe tvorchestvo v zapisi* [Monuments of folk art of Ossetians. Digorian folk art in the recording of M. Gardanti]. Vladikavkaz, 1927, iss. 2. 355 p.
23. *Narty kaddzhytæ. Iron adæmy epos* [Nart legends. Epos of the Ossetian people]. Compiled by T. A. Hamitsaeva, Sh. F. Dzhikaev. Dzæudzhykh'æu, 2004, vol. 2. 896 p. (in Ossetian).
24. *Narty kaddzhytæ. Iron adæmy epos* [Nart legends. Epos of the Ossetian people]. Compiled by T. A. Hamitsaeva, Sh. F. Dzhikaev. Dzæudzhykh'æu, 2010, vol. 5. 767 p. (in Ossetian).
25. Bagaev, A. B. *Kon' v nartovskom epose osetin* [Horse in the Nart Ossetian epic]. *Voprosy literatury i fol'klora* [Questions of literature and folklore]. 2018, iss. 10, part II, pp. 4–21.
26. Firdousi. *Shakhname. V 6 t.* [Shahnameh. In 6 vols]. Translation of N. B. Banu-Lahuti, comments by A. Azer and C. B. Banu-Lahuti. Moscow, 1965, vol. 3. From the legend of the battle of Rostem with Hakan Chin to the reign of Lochrasp. 601 p.
27. Rahno, K. Ju. *Kazn' ubiitsy na Zaporozhskoi Sechi. Istoki obychaya* [The execution of the killer in the Zaporizhzhya Sich. The origins of custom]. *Voina i voinskie traditsii v kul'turakh narodov Yuga Rossii (VI Tokarevskie chteniya). Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Rostov-na-Donu, 4-5 maya 2017 g.)* [War and military traditions in the cultures of the peoples of the South of Russia (VI Tokarev readings). Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Rostov-on-Don, May 4-5, 2017)]. Rostov-on-Don, 2017, pp. 196-203.
28. Chudakov, G. I. *Otnoshenie tvorchestva Gogolya k zapadnoevropeiskim literaturam* [The ratio of Gogol's work to Western European literature]. Kiev, 1908. 182 p.
29. Firdousi. *Shakhname. V 4 t.* [Shahnameh. In 4 vols]. Translation of C. B. Banu Lahuti, comments A. A. Starikova. Moscow, 1994, vol. 2. From the legend of Rostem and Sohrab to the legend of Rostem and the Hakan of Chin. 643 p.
30. Korogly, X. G. *Vzaimosvyazi eposa narodov Srednei Azii, Irana i Azerbaidzhana* [Interconnections of the epic of the peoples of Central Asia, Iran and Azerbaijan]. Moscow, 1983. 335 p.
31. *Skazki i legendy Sistana* [Tales and legends of Sistan]. Translation from Persian, compilation and commentary by A. L. Gruenberg and I. M. Steblin-Kamensky. Moscow, 1981. 271 p.

32. Matyushina, I.G. *Perebranka v drevnegermanskoi slovesnosti* [Hassle in Old German Literature]. Moscow, 2011. 304 p.
33. Ivanov, V.V. *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury* [Selected works on semiotics and cultural history]. Moscow, 2000, vol. 2. Articles about Russian literature. 881 p.
34. Bubenok, O. *Alany-asy v Zolotoi Orde (XIII-XV vv.)* [Alans-aces in the Golden Horde (XIII-XV centuries)]. Kiev, 2004. 324 p.
35. Rakhno, K.Yu. *Iranskie mifologicheskie motivy v povesti Nikolaya Gogolya «Noch' pered Rozhdestvom»* [Iranian mythological motifs in Nikolai Gogol's novel «The Night Before Christmas»]. *Aktual'nye problemy gumanitarnogo znaniya v XXI veke. Sostoyanie i perspektivy razvitiya. K 90-letiyu akademika G.G. Gamzatova. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Makhachkala, 5-6 maya 2016 g.)* [Actual problems of humanitarian knowledge in the XXI century. State and development prospects. To the 90th anniversary of academician G.G. Gamzatova. Materials of the International Scientific Conference (Makhachkala, May 5-6, 2016)]. Makhachkala, 2016, pp. 171–175.
36. Rakhno, K.Yu. *Puzaty Patsyuk i nartovskii Syrdon: rodstvo obrazov* [Puzaty Patsyuk and Nartovsky Syrdon: the kinship of images]. *Adygskaa epos «Narty» i mirovye epicheskie nasledie. Mezhdunarodnyi nauchnyi simpozium, posvyashchenniy 95-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo-nartoveda A. M. Gadagatlya (Maikop, 20-23 sentyabrya 2017 g.)* [Adyghe epic «Narts» and the world epic heritage. International scientific symposium dedicated to the 95th anniversary of the birth of the scientist-narrator A. M. Gadagatlya (Maykop, September 20-23, 2017), Maykop, 2017, pp. 144–147.
37. Rakhno, K.Yu. *Tanatologicheskie motivy «Strashnoi mesti» Nikolaya Gogolya v kontekste etnokul'turnykh svyazei ukraintsev* [Tanatological motives of the «Terrible revenge» of Nikolai Gogol in the context of ethnocultural relations of Ukrainians]. *Studia mythologica slavica*. Ljubljana, 2019, vol. 22, pp. 143–161.
38. Abaev, V.I. *Izbrannye trudy. V 2-kh t.* [Selected works. In 2 vols]. T. 2. *Obshchee i sravnitel'noe yazykoznanie* [Vol. II. General and comparative linguistics]. Vladikavkaz, 1995. 724 p.
39. Abaev, V.I. *Skifo-evropeiskie izoglossy. Na styke Vostoka i Zapada* [Scythian-European isoglosses. At the junction of East and West]. Moscow, 1965. 168 p.